

**В СЕРИИ
«ЗАПРЕЩЁННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ»
ВЫШЛИ КНИГИ:**

ОДИНОЧКА
СМЕРШ-2
ПЕРЕХВАТЧИК
РАЗБОРКИ ТРЕТЬЕГО УРОВНЯ
ИЗЛОМ ЗЛА
ИСТРЕБИТЕЛЬ ЗАКОНА
СМЕРЧ
ВОЗВРАЩЕНИЕ СТОПКРИМА
ЗАПРЕЩЁННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ:
ПЕРЕЗАГРУЗКА

Василий Головачёв

ИЗЛОМ ЗЛА

Москва
T8 RUGRAM
2019

УДК 82-312.9
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Г61

Миры Василия Головачёва

Головачёв, В.В.

Г61 Излом зла / В.В. Головачёв — М.: Т8 Издательские технологии/
RUGRAM, 2019. — 624 с. — (Миры Василия Головачёва).

ISBN 978-5-521-73582-2

Профессиональные контрразведчики, ганфайтеры Матвей Соболев и Василий Балувев выходят на след «Киллер-клуба» — тайной организации наёмных убийц. Но оказывается, что за спиной убийц стоит таинственный Союз Девяти Неизвестных, который руководит «теневым» правительством России. Офицерам предстоит схватка не на жизнь, а на смерть...

УДК 82-312.9
ББК 83.3(2Рос=Рус)
BIC FLC
BISAC FIC009000

ISBN 978-5-521-73582-2

© Василий Головачёв, 1997
© Т8 RUGRAM, оформление, 2019

ГЛАВА 1

ИМЕНЕМ АЛЛАХА

В последний раз Николай Алексеевич Кожемякин приходил сюда, когда на полях еще лежал снег, река спала подо льдом с мокрыми пятнами проталин, а бледное весеннее солнце почти не нагревало кожу лица. Теперь же стоял конец апреля, весна вступила в свои законные права и природа радовалась началу жизни, теплу и свежей зелени. Николай Алексеевич любил апрель по-особому, нежно, с грустью, с болью в сердце и сладким замиранием, с ожиданием чего-то, каких-то перемен, встреч, тайн, открытий и откровений. В апреле он родился, в апреле впервые встретил Галю, в апреле женился... и первый рассказ свой написал он тоже в апреле, ровно пятьдесят пять лет назад. Вот только в Союз писателей его приняли не в апреле, а в июне, тогда еще — в Союз писателей СССР. Лишь несколько лет назад, в девяносто четвертом, Николай Алексеевич поменял красную книжечку с гербом СССР на коричневую с двуглавым Российским орлом, вступив в независимый Союз российских писателей.

За спиной раздался скрип, шорох. Николай Алексеевич оглянулся.

Человек, которого он заметил, еще спускаясь к реке, приблизился и теперь смотрел на Кожемякина сверху, нахохлившись, сунув руки в карманы. Странный человек, весь в черном, с черным кепи на голове, смуглолицый и черноусый. От него веяло холодом и недоброжелательностью. Николай Алексеевич пожал плечами и спокойно пошел вдоль берега, моментально забыв о чужом. Грабежа он не боялся, в кошельке лежали всего тридцать тысяч рублей, на которые можно было купить разве что бутылку пива, триста граммов колбасы и буханку хлеба.

Нет, Николай Алексеевич не бедствовал, произведения его печатали, гонорары платили исправно, вот только писал он медленно, издавая книгу раз в три, а то и в четыре года. Таков был ритм его писательской деятельности, ритм жизни, и переделывать себя в угоду конъюнктуре, нынешней суматошной жизни он не хотел. А материал давался все труднее, все медленнее, информация собиралась по крохам, месяцами, годами. Заставить себя сесть за стол было все тяжелее, возраст постепенно брал свое. И все же его романами зачитывались, издатели звонили, приглашали и ждали, а он терпеливо отвечал всем одной фразой: непременно приду, вот только сотворю...

Первый рассказ Николай Алексеевич написал еще в канун окончания войны, которую начинал восемнадцатилетним ополченцем, участвуя в защите Москвы. В составе сводного батальона уральцев и москвичей он

дрался на Волоколамском шоссе, попал в плен, бежал, прошел всю войну от Москвы до Праги, снова попал в плен, снова бежал, участвовал в движении Сопротивления в Италии. Вследствие этого в послевоенные годы пережил косые взгляды, подозрения и негативное отношение со стороны писательской братии, воспитанной в сталинском духе. Однако оставался всегда прямым, принципиальным, честным, не любил конъюнктуру и опирался в своем творчестве только на правду жизни. За что в конце концов и получил признание как писатель и человек.

За пятьдесят пять лет творческой деятельности он написал одиннадцать романов и повестей, около полусотни рассказов, две пьесы, издал два пятитомника, был отмечен премиями Союза и международным признанием и, по сути, еще при жизни стал классиком, прославившим русский народ, знавшим все его нужды, горести, надежды и чаяния.

Последний его роман попал в номинационные списки премии Букера и, хотя первого места не занял, был высоко оценен критикой, а также замечен исламскими экстремистами, готовыми на любое преступление «во имя веры», ибо коснулся отношений ислама и христианской религии.

О нет, Николай Алексеевич это сделал не так, как в свое время Салман Рушди, приговоренный к смерти аятоллой Хомейни публично на площади Аль-Ираншехр в Тегеране, но и то, что он написал, а написал он правду, не понравилось приверженцам вселенской покорности, и Николай Алексеевич был внесен в черный список

«приговоренных к смерти именем ислама». О чем сам, естественно, даже не подозревал. В этот список, насчитывающий, по данным агентства Рейтер, более шестисот человек, попали и такие знаменитости, как скульптор Эрнст Неизвестный, режиссер Энтони Хикокс, поэт Андрей Вознесенский и писатель Виктор Астафьев.

Над головой раздалось карканье, пролетел ворон, глянув на задумчиво бредущего по берегу реки человека.

Мысли свернули к работе, к материалу, который он привез из Чечни два дня назад. По сути, это была заготовка будущего романа о войне режима вседозволенности с другим режимом — криминальным, в которой заложниками стали российские солдаты, и вот об этом и собирался писать Николай Алексеевич свой новый роман.

За спиной снова скрипнуло дерево.

Николай Алексеевич обернулся, и в тот же момент в голове вспыхнуло пламя, собралось в точку и вонзилось в сердце уколом яростной боли. Больше он почувствовать ничего не успел...

* * *

Директор Федеральной службы безопасности Иван Сергеевич Панов ужинал в кругу семьи, когда зазвонил телефон и дежурный по Главному управлению полковник Скобарев сообщил об убийстве известного писателя Кожемякина.

— Ну и что я должен делать? — осведомился Иван Сергеевич. — Пусть этим занимаются люди Жаренова. Мы тут при чем?

— Вас просил приехать Синельников, — замылся полковник. — Он говорит, что обстоятельства убийства заставляют его сразу передать дело нам.

Панов помолчал, машинально облизывая вилку. Полковник Синельников был начальником МУРа, опытным, знающим, умным розыскником, профессионалом и зря звонить не стал бы.

— Ладно, — буркнул директор ФСБ, — сейчас буду. Вызовите Ельшина и сыскарей Бондаря.

— Уже вызвал. Машина за вами вышла.

Панов хмыкнул и положил трубку. Через сорок минут он подъехал на служебной «Волге» к дому номер сорок два по улице Живописной, где в двухкомнатной квартире жил известный писатель, недавно овдовевший. Жена Кожемякина Галина Сергеевна умерла год назад от сердечного приступа.

Во дворе дома, несмотря на поздний вечер, жались кучки жителей, стояли три машины УВД с мигалками и «рафик» ОМОНа. У оцепленного подъезда директора ФСБ ждал генерал Ельшин, начальник Управления «Т»¹, со своим телохранителем. Оба курили, артистически пуская дым кольцами. Генерал был одет в спортивный костюм, словно завернул сюда прямо со стадиона, успев только сменить кроссовки на туфли. Его телохранитель, он же командир подразделения «Стикс» майор Ибрагимов, выглядел бомжем, но взгляд выдавал в нем человека опасного и жестокого, способного на все.

— Ну, что тут происходит? — буркнул Панов.

¹ Управление «Т» — Управление по борьбе с терроризмом и бандитизмом.

Ельшин бросил сигарету в урну, стоявшую в четырех метрах, попал.

— Сходите, полюбуйтесь, я уже смотрел. Синельников ждет вас в квартире.

Иван Сергеевич в сопровождении командира своей личной тройки телохранителей направился к неосвещенному подъезду.

Квартира Кожемякина располагалась на третьем этаже. Дверь была полуоткрыта и охранялась мрачными молодцами в пятнистых комбинезонах с автоматами в руках. Пропустили директора они без звука, понимая, что прибыло начальство.

В квартире с мебелью в стиле пятидесятых годов: пузатые комод и шифоньер, кровать, стол и стулья на гнутых ножках, шкафы с книгами, стол писателя со старенькой пишущей машинкой «Москва» — ничего лишнего — царил разгром, и везде, куда бы ни падал взгляд, лежали десятки миниатюрных Коранов с золотым тиснением на арабском языке.

Из спальни в узкий коридорчик вышел гладко выбритый огромный мужчина с круглыми литыми плечами борца-тяжеловеса, на которых едва не лопалась черная кожаная куртка. Это был полковник Синельников, глава Московского уголовного розыска. Молча сунув Панову громадную ладонь, он пропустил гостей в спальню, где работала группа экспертов.

Иван Сергеевич увидел кровь на полу, потом отрубленные конечности, отдельно лежащую голову и тело на кровати, засыпанное все теми же Коранами. Он многое повидал на своем веку, не будучи еще директором